

А.В. Иванов
г. Могилев

“НЕТ, Я НЕ БАРИН...”: ЛИРИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ НЕКРАСОВА В ПОИСКАХ ИДЕНТИЧНОСТИ

Стихотворение Н.А. Некрасова “Крестьянские дети” давно и прочно обосновалось в школьных хрестоматиях. Небольшой отрывок из него (строк двадцать), начинающийся словами “Однажды, в студеную зимнюю пору...”, знают многие. Не будет большим преувеличением утверждение, что это один из наиболее цитируемых в быту текстов русской поэзии. В этом смысле Некрасов действительно народный поэт.

Изучаемое на раннем этапе школьного литературного образования стихотворение призвано, в числе других задач, представить убедительные картины жизни крестьянских детей, наполненной с ранних лет нелегким трудом. Такое доверчиво-некритическое восприятие стихотворения впоследствии никак не корректируется. Сохранившийся в памяти фрагмент удивительным образом замещает собой и искажает смысл всего произведения. Наивное прочтение не позволяет с должной обстоятельностью выявить позицию, занимаемую автором, двойственность которой и противоречивость, на наш взгляд, очевидны.

Мысль, пронизывающая все стихотворение, если перефразировать слова великого поэта, проста – “нет, я не барин, я другой”. К ней, явно или подспудно, поэт постоянно возвращается, маскируясь и проговариваясь.

Рассказ о встрече с детьми обрамляет воспоминания лирического героя и его назидательные размышления о судьбах крестьянских детей. За отдыхающим охотником наблюдают девять ребят, крестьянские дети. Суть их диалога сводится к попытке определить: барин перед ними или нет. Практически все атрибуты барина они обнаруживают: часы, цепь золотая, дорогое ружье. Единственная смущающая их деталь облика – борода: “у бар бороды не бывает – усы”. После тщательного осмотра “приговор изрекли”:

“И видно не барин: как ехал с болота,
Так рядом с Гаврилой... “Услышит, молчи!”

На этом месте рассказ о встрече с детьми прерывается воспоминаниями и размышлениями лирического героя. Прерывается именно тогда, когда ребята констатируют, что перед ними не барин.

Следующие за этим рассуждения представляют собой демонстрацию демократических, не барских взглядов на крестьянских детей. Но поэту нужен фон, который представит эти взгляды и его самого в выигрышном свете. Поэтому сразу обозначается противоположная, оспариваемая точка зрения. Она полемически сгущена. Если автор декларирует свою любовь к крестьянским детям, то на противоположном полюсе предполагается не больше и не меньше, чем ненависть к ним.

“Но если бы даже ты их ненавидел,
Читатель, как “низкого сорта людей”.

Поэту нужно, чтобы была ненависть. Наличие у воображаемого читателя других чувств, например, безразличия к детям, не подразумевается. Ненависть к крестьянским детям подается как типично барское чувство. Не случайно дети, осматривая незнакомца, боятся – “Прибьет”. Прибить может барин, владелец детей.

Дальше идет рассказ/воспоминание об опыте “не барского” общения лирического героя с крестьянскими детьми. Это повествование основывается на личном опыте Некрасова. Заметим, опыте летних развлечений с крестьянскими детьми. Время, проведенное Некрасовым-ребенком в играх с крестьянскими детьми, описывается со знанием дела, с множеством деталей, которые не дают усомниться в правдивости изображенных картин. Лирический герой, играющий с детьми, убедителен. Картины детских забав замечательны, образы детей прекрасны, строки этой части стихотворения излучают неподдельную любовь к маленьким товарищам Некрасова по играм.

Но вот поэт, прерывает описание обращением к ребенку, которое стилизовано под отцовские слова:

— Довольно, Ванюша! гулял ты немало,
Пора за работу, родной! —

Поэт наивно убежден, что тяжелейший крестьянский труд

“...обернется сначала
К Ванюше нарядной своей стороной:
Он видит, как поле отец удобряет,
Как в рыхлую землю бросает зерно:
Как поле потом зеленеть начинает,
Как колос растет, наливают зерно...”

Прервем цитирование. Какой разительный контраст с фрагментами стихотворения, где повествуется о действительно “нарядной”, игровой стороне жизни крестьянских детей! Описание этапов выращивания хлеба не отмечено поэтической изобретательностью, практически отсутствуют эпитеты, что вполне объяснимо: Некрасов теоретически знает последовательность работ на земле, но никогда ими не занимался. Поэтому и не может красочно, выразительно их изобразить. И анафора “как” вызывает скорее ощущение рутины, а не праздника. Да и начинается поэт речь о “нарядной стороне” крестьянского труда с...удобрения полей, что верно с точки зрения сельскохозяйственной технологии, но вызывает чувство неловкости: крестьянин вряд ли назовет этот род деятельности “нарядным”. Если бы сам поэт хоть раз участвовал в подобном процессе, то впечатления были бы иными, далекими от поэтизации.

Следующая часть стихотворения переводит размышления поэта в иной регистр.

“Однако же зависть в дворянском дитяти
Посеять нам было бы жаль.
Итак, обернуть мы обязаны к стати
Другой стороною медаль.
Положим, крестьянский ребенок свободно
Растет, не учась ничему,
Но вырастет он, если Богу угодно,
А сгинуть ничто не мешает ему.
Положим, он знает лесные дорожки,
Гарцует верхом, не боится воды,
Зато беспощадно едят его мошки,
Зато ему рано знакомы труды...”

В идейном отношении важными являются строки, резко драматизирующие рассуждения поэта: “Но вырастет он, если Богу угодно, / А сгинуть ничто не мешает ему”. Однако следующее четверостишие не удерживает мысль на обретенной высоте. Слова “зато беспощадно едят его мошки” особенно не вяжутся с предшествующими строками. Конечно, человек, которого едят мошки, а особенно ребенок, достоин всяческого сочувствия. Но крестьянских детей они не едят с особым пристрастием, насекомым чужды классовые предпочтения. Движение авторской мысли от слов о трагической зависимости детских судеб от воли Бога к сочувствию детям, покосанным мошками, существенно ослабляет звучание первых. Разве так уж страшны мошки, если “сгинуть ничто не мешает ему”?

Дальше как раз тот хрестоматийный отрывок, который в стихотворении призван проиллюстрировать слова “зато ему рано знакомы труды”, вызвать сочувствие к тяжелой судьбе крестьянских детей. Он задуман как резко контрастный по отношению к предшествующим развернутым описаниям эпизодов беззаботной детской жизни. Из жаркого лета мы переносимся в “в студеную зимнюю пору”. Зима действительно серьезное испытание для крестьян. Но смена времен года имеет принципиальное значение для автора, для реализации художественного замысла. Как и в случае с воображаемым читателем-оппонентом, ненавидящим крестьянских детей, поэту нужен контраст, мгновенный переход, знаковая смена хронотопа.

“Однажды в студеную зимнюю пору
Я из лесу вышел; был сильный мороз.
Гляжу, поднимается медленно в гору
Лошадка, везущая хворосту воз.
И, шествуя важно, в спокойствии чинном,
Лошадку ведет под уздцы мужичок
В больших сапогах, в полушубке овчинном,
В больших рукавицах...а сам с ноготок!”

“Лошадка, везущая хворосту воз”, иначе как медленно двигаться не может. Дело происходит зимой. Вокруг “снег, до окошек деревни лежащий”. Зимняя дорога в деревне, да еще дорога из леса, вряд ли наезжена. Лошади идти по ней тяжело. Тот, кто ведет лошадь под уздцы, должен неизбежно прилагать много усилий, принуждая ее двигаться. При этом он, как и лошадь, будет проваливаться в снег, скользить. В такой ситуации “шествовать важно, в спокойствии чинном” просто невозможно. Движения человека поневоле должны лишиться размеренности и ритмичности. Ребенку в таких условиях еще тяжелее.

Вести лошадь под уздцы означает держать ее рукой за узду у самой морды, возле удил. Кисть руки взрослого человека среднего роста, должна находиться несколько ниже уровня плеча. Лошадь, везущая такую тяжелую поклажу, вряд ли будет покорно идти. Малый рост встреченного ребенка изумил лирического героя, взволновало несоответствие: большие сапоги, большие рукавицы — “а сам с ноготок”. Пунктуация, предшествующее словам многоточие и последующий восклицательный знак, более чем выразительно передает эмоции. Но как же такой маленький мальчик, малютка может, держа лошадь под уздцы, двигаться “важно, в спокойствии чинном”?

Дальше следует замечательный диалог.

— Здорово парнище! — “Ступай себе мимо!”. Мальчик понимает иронию. Он маленького роста, мал даже для своих шести лет, иначе встречный, после того, как узнал о возрасте мальчика, не называл бы его малюткой, уморительно малым. Это обращение раздражает мальчика. Но незнакомый человек не вызывает у мальчика страха. Смелый ответ мальчика изумляет прохожего. “Уж больно ты грозен, как я погляжу! / Откуда дровишки?” — спрашивает встречный. Замечательная последовательность. Если ты грозен, непочтителен, то и вопрос тебе не в бровь, а в глаз: “Откуда дровишки?”. Это значит: не воруете ли лес? Ответ мальчика понятен: “Из лесу, вестимо, / Отец, слышишь, рубит, а я отвожу”. Мальчик не боится человека потому, что не признает в нем барина, по крайней мере, своего барина. Он не считает нужным оправдываться перед ним. Это устраивает спрашивающего, это то, что он хотел услышать, ощутить в общении с крестьянским мальчиком: он — не барин.

Задача, которую ставит перед собой автор, понятна. Тем более, что он сам ее отчетливо декларирует — необходимо показать удел крестьянских детей, вынужденных заниматься тяжелым трудом. Но ощущение, что ребенку тяжело не возникает. Наоборот, приходит мысль о нарочитой надуманности эпизода. Она, очевидно, подсудно беспокоит и самого автора.

“На эту картину так солнце светило,
Ребенок был так уморительно мал,
Как будто все это картонное было,
Как будто бы в детский театр я попал!”

Некрасов проговаривается — картина выдуманная, но тут же спохватывается и начинает убеждать читателя.

✦ “Но мальчик был мальчик живой, настоящий!
И дровни, и хворост, и пегонький конь,
И снег, до окошек деревни лежащий,
И зимнего солнца холодный огонь —
Всё, всё настоящее русское было...”

Некрасову мучительно хочется, чтобы мы поверили. Поверили и в существование мальчика, и в верность деталей. Он хочет вызвать наше сочувствие. Но завершается этот отрывок наставлениями поэта, адресованными крестьянским детям.

“Играйте же, дети! Растите на воле!
На то вам и красное детство дано,
Чтоб вечно любить это скудное поле,
Чтоб вечно вам милым казалось оно.
Храните свое вековое наследство,
Любите свой хлеб трудовой —
И пусть обаянье поэзии детства
Проводит вас в недра землицы родной!..”

По мнению Некрасова, “красное детство” дано крестьянским детям, чтобы “вечно любить это скудное поле”. Но

особенно примечательны последние строки. Вдумаемся в них, соотнесем со всем текстом стихотворения, с мыслями, выраженными автором. Он желает детям: "И пусть обаянье поэзии детства / Проводит вас в недра землицы родной!..". Мысль автора понятна, но выражена она слишком неуклюже. Некрасов замыкает круг. Стихотворение приобретает слишком драматические интонации. Крестьянские дети обречены. Переход от детства к "недрам землицы" оглушительно быстр.